

НЕ КОПИРОВАТЬ

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. В. БАХРУШИНА и М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

1881

36 496 377 463 503 1-22 14143

Не копировать

ВОСПОМИНАНИЯ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ЧИЧЕРИНА

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

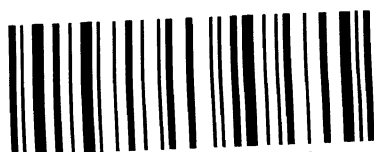
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
С. В. БАХРУШИНА

ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
1929

МРЛ

Обложка гравирована
на дереве А. Кравченко

2005347821

Громкое научное имя Б. Н. Чичерина, как юриста, историка и философа, тот громадный авторитет, которым он еще недавно пользовался в русской науке и общественности, и влияние, оказанное им на подрастающие поколения русских ученых второй половины XIX в.— в достаточной мере объясняют важность печатаемых записок.

Чичерин родился 26 мая 1828 года ¹ в семье крупного тамбовского помещика и откупщика, составившего себе, благодаря откупам, очень большое состояние.

Окруженный с детства обстановкой самой утонченной усадебной культуры, Чичерин получил блестящее домашнее воспитание и 17 лет непосредственно поступил в Московский университет, по окончании которого защитил в 1857 г. диссертацию на тему: „Областные учреждения в России в XVII в.“ В начале 1861 г. он был избран Советом Московского университета исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре государственного права, и осенью того же года начал чтение лекций. Университетская деятельность Чичерина оборвалась, однако, уже в 1868 г., когда он демонстративно вышел в отставку вместе с С. М. Соловьевым, Ф. М. Дмитриевым, И. К. Бабстом, С. А. Рачинским и М. Н. Капустинным вследствие принципиального расхождения с большинством Совета. Устранившись от университетского преподавания, он освятил свой невольный досуг общественной деятельностью Тамбовском земстве, в котором проработал в течение 20 лет, и мимолетно в Московской городской думе. Избранный в конце 1881 г. в московские городские головы, он недолго

¹ Согласно собственным показаниям Б. Н. Чичерина; по родословным данным, напечатанным в „Изв. Тамб. Учен. Архивн. Комис.“ вып. 56, 1915 г. 25 мая.

стоял на этом посту и в июне 1883 г. был уволен по распоряжению Александра III, за речь произнесенную им во время коронационных торжеств на обеде городских голов 16 мая, с призывом к „единению всех земских сил для блага отечества“.

Последние годы жизни он провел в своем имении Караул в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Он умер 3 февраля 1904 г.

Научная работа Б. Н. Чичерина поражает богатством и разнообразием. На ряду с трудами по истории русского права („Областные учреждения России в XVII в.“, 1857; „Опыты по истории русского права“, 1859), он много писал по вопросам философии и теории государственного права („История политических учений“, 1869—1877, „Собственность и государство“, 1882-83; „Курс государственной науки“ в 3 томах, 1894—1898; „Философия права“, 1900, „Вопросы политики“, 1903); интересовался особенно представительными учреждениями на Западе в их прошлом и настоящем („Очерки Англии и Франции“, 1859; „О народном представительстве“, 1869); наконец, разрабатывал в многочисленных статьях и книгах чисто философские вопросы в духе своеобразного гегельянства.

Научные труды Чичерина в настоящее время устарели, но в момент выхода их в свет они представляли явление совершенно исключительное в русской научной литературе и „выдвинули его,—по выражению одного из его биографов,—в ряды наиболее выдающихся представителей не только русской, но и обще-европейской мысли“. Тонкость и точность юридической мысли, глубина философских обобщений при ясности и чистоте языка—все эти свойства научных работ Чичерина с особенной яркостью выступают на фоне того дилетантизма, который далеко еще не был изжит русской наукой середины XIX в. Общие концепции Чичерина (о государстве, о свободе и самоцельности личности и т. д.), основанные на отвлеченных философских построениях, не пережили их создателя; но специальные исследования в фактической своей части еще не утратили своего значения.

В сильных и слабых сторонах своей научной и общественной деятельности Б. Н. Чичерин, более чем кто-либо, зависел от полученного им воспитания и от социальной среды, из

которой он вышел. Умеренный либерал, поклонник „справедливых“ реформ Александра II и, вместе с тем, горячий поборник прав того сословия, к которому он принадлежал, убежденный проповедник законности и борец против революции, прославившийся „красным“ в высших сферах и находившийся всю свою жизнь под подозрением, Чичерин, как ученый не может быть понят вне его биографии.

Воспоминания, отрывок из которых ныне публикуется, помимо своего общего интереса, дают богатейший материал для понимания научного мировоззрения Чичерина¹. Свои воспоминания Чичерин писал уже стариком, на покое, в любимом им Карауле; он закончил их 22 октября 1894 г. Но время, прошедшее с момента прекращения его общественной деятельности, не наложило умиротворяющего отпечатка на его произведение. Страстный, нетерпимый к чужим мнениям, Чичерин со всей страстностью юности переживает описываемые им события. В его мемуарах поэтому нельзя искать объективного изложения фактов. Несмотря на обилие подлинных документов, вносимых автором в текст, личные симпатии и антипатии, и классовые настроения придают Воспоминаниям характер политического памфлета. На отзывы Чичерина о людях нельзя никогда полагаться; его освещение фактов односторонне. Он всегда любит себя, и это отражается на объективной ценности его записей. Но именно этот субъективизм Воспоминаний, вскрывающий действительную психологию автора, и делает его мемуары столь важными для характеристики его, как ученого, и для оценки его научной работы.

Печатаемые в настоящем выпуске „Записей Прошлого“ отрывки из Воспоминаний Чичерина представляют собой три главы из обширных его мемуаров, полная копия которых приобретена издательством у Н. А. Чичериной. В целом виде воспоминания Б. Н. Чичерина заключают в себе 15 глав следующего содержания: Предисловие—I. Мои родители и их общество.—II. Мое детство.—III. Приготовление к университету.—IV. Студенческие годы.—V. Москва и Петербург в последние

¹ Попытка поставить научные воззрения Чичерина в связь с его классовым происхождением и историческим моментом сделана М. Н. Покровским в брошюре: „Борьба классов и наука русской истории“.

годы царствования Николая Павловича.—VI. Литературное движение.—VII. Путешествие за границу.—VIII. Вступление на кафедру.—IX. Занятия и путешествие с наследником.—X. Выход из университета.—XI. Жизнь в провинции.—XII. Конец царствования Александра Николаевича.—XIII. Начало нового царствования.—XIV. Служба московским городским головою.—XV. Старость.

Вся рукопись в копии составляет 1138 страниц.

В виду невозможности печатать целиком весь текст сразу, издательство ограничивается сейчас выпуском в свет глав VIII, IX и X, посвященных профессуре в Московском университете и подробно описывающих условия, при которых автор был вынужден покинуть кафедру. Главы эти рисуют с особенной яркостью общее состояние и нравы Московского университета середины XIX в. и ту борьбу, которая шла в его стенах между большинством Совета и группой „молодых“ профессоров. В рассказ об университете вплетается, как эпизод, приглашение Чичерина в преподаватели к тогдашнему наследнику престола, старшему сыну Александра II—Николаю.

Выпуская в свет отрывок из воспоминаний Б. Н. Чичерина издательство предполагает в будущем продолжить их печатание отдельными частями.

Копия, легшая в основу настоящего издания, сверена с подлинником А. А. Захаровым.

Примечания принадлежат редакции, за исключением отмеченных особо.

С. Бахрушин.

25 мая 1928 г.

ВОСПОМИНАНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ НА КАФЕДРУ

Вернувшись в деревню после заграничного путешествия, я нашел в ней совершенно новую жизнь. „Положение 19 февраля“ вступило в силу и прилагалось разумно и честно. Брат Владимир был мировым посредником, постоянно разъезжал, составлял и вводил уставные грамоты, и все шло как нельзя лучше. Раз в месяц посредники собирались на съезд. Предводителем дворянства в Кирсановском уезде был в то время Михаил Степанович Андреевский, человек вполне порядочный и преданный общественному делу. В числе посредников был Баратынский, сын Сергея Абрамовича, доктор как и его отец, человек самых высоких нравственных свойств. Брат, разумеется, всегда был с ним заодно. Остальные подчинялись общему духу и действовали в данном направлении. Помещики, даже не сочувствовавшие реформе, по русскому обычаю покорялись своей участи и не оказывали противодействия. Только со стороны крестьян кое-где обнаруживалось упорство, иногда даже в противность собственным их выгодам; но так или иначе все улаживалось. И у нас в Карауле произошло маленькое замешательство. При разверстании надо было перенести один поселок на другое место. Крестьяне не хотели согласиться; все попытки властей уговорить их были напрасны. Решили, наконец, привести роту солдат. Тогда сестра, в то время еще 22-летняя девушка, однажды утром пошла на село, собрала мужиков и стала их увещевать, представляя им, что после столь долгих и отличных отношений к помещикам, было бы стыдно,

¹ Александра Николаевна Чичерина.

если бы в Караул привели солдат для умирения непокорных. Кончилось тем, что она всех их привела с собою, и они изъявили согласие на переселение.

Все, что я видел и слышал, исполняло меня самыми отрадными чувствами. Провинция во всех своих слоях, на верхних и нижних, спокойно и трезво исполняла великое дело, соблюдая обоюдные выгоды и руководствуясь идеею самой чистой справедливости. Это был залог светлого будущего.

Такой благоприятный ход преобразования, изменявшего весь строй русской жизни, конечно, делал честь дворянству, на плечах которого лежало все исполнение; но он свидетельствовал, вместе с тем, о прочности фундамента, на котором строилось новое здание.

Изучая „Положение 19 февраля“, я исполнился благоговением к этому созданию созревшей русской мысли. Я видел в нем лучший памятник русского законодательства. Это не было просто сведение к единству накопившихся с течением времени и вызванных практикой положений. Тут все приходилось создавать вновь, вводить чуждые жизни начала, устанавливать неведомые практике отношения. И эти отношения охватывали самые коренные интересы важнейших элементов русской земли, первенствующего сословия и народной массы. Надобно было развязать веками затянувшийся узел, заменить свободой установившееся не только в силу закона, но, главным образом, вследствие жизненных условий, полновластие. Задача была самая сложная, трудная и обширная, какая могла представиться законодателю; а, между тем, она была решена с таким ясным разумением цели и средств, с таким твердым сознанием как теории, так и практики, в таком цельном и последовательном направлении, что нельзя было не питать глубокого уважения и к новому закону, и к его составителям. Все, кому приходилось прилагать на деле этот великий законодательный памятник, разделяли это убеждение. Станкевич, который был назначен от правительства членом губернского присутствия в Воронеже, говорил, что он благоговееет перед „Положением 19 февраля.“ Ни легкомысленные руки, которым вверено было верховное исполнение, ни бесчисленные, друг другу противоречащие циркуляры нового министра внутренних

дел, не могли поколебать крепкого его строя. Единственный существенный недостаток заключался в правилах о даровом наделе, введенных реакционерами Государственного совета. Это была печальная уступка притязаниям аристократии, окружавшей престол.

Против „Положения 19 февраля,“ предъявлялись возражения с разных сторон. Закоснелые помещики утверждали, что крестьянам дано слишком много; демократы, особенно в позднейшее время, уверяли, что крестьянам дано слишком мало. В действительности соблюдена была строгая справедливость. При разрешении вековых уз, крестьяне приобрели в среднем выводе то, чем они пользовались в то время, как их застигла реформа, а помещики за отходящие от них выгоды получили надлежащее вознаграждение. Конечно, невозможно было во всяком конкретном случае сохранить полную соразмерность. При бесконечном разнообразии условий русской земли, единственное, к чему можно было стремиться, это — соблюдение справедливой средней пропорции, что и было сделано. Землевладельцы черноземной полосы в сущности в данную минуту не потеряли ничего; они в большинстве местностей получили ту плату за земли, которая в то время существовала, и очень хорошо могли устроить свое хозяйство при вольном найме; крестьяне же, если в некоторых местах лишались земельного избытка, которым они пользовались у щедрых помещиков, зато получили всю выгоду от последовавшего затем возвышения ценности земель. В нечерноземной полосе помещичье хозяйство значительно более затруднилось; многие принуждены были даже совсем его прекратить. Но они в виде оброка получили за свои земли гораздо более того, что они стоили; сюда вошла и плата за отходящий труд. Если при новых условиях часть помещиков разорилась, то виновато в этом не „Положение 19 февраля,“ а неподготовленность значительной доли русского дворянства к правильной экономической деятельности вместе с неумением держать свои расходы в должных пределах. Многие дворянские имения перешли в руки капиталистов, но это во всяком случае было неизбежно и не может считаться злом: таково естественное последствие подвижности поземельной собственности. Только чисто искусственным

путем можно было удерживать земли в руках лиц, обремененных долгами, и помешать покупке их теми, у кого были деньги в руках. С другой стороны, и среди крестьян с течением времени обнаружилось ухудшение состояния. На первых порах благосостояние их поднялось,—однако, ненадолго. Народонаселение увеличивалось, а земля оставалась все та же, и привычки к сбережениям не было; отсюда всеобщее обеднение. К этому присоединялись и другие неблагоприятные условия: сохранение общинного владения, налагающего путы на первый и коренной источник всякого экономического благосостояния,—личную самостоятельность; железные дороги, которые, поднимая цены на землю и произведения, рядом с этим уничтожали значительные прибыли от зимнего извоза; семейные разделы, которые отныне могли совершаться беспрепятственно; наконец, развившееся безмерное пьянство вследствие свободной продажи удешевленного вина. Сельский быт, несомненно, требовал дальнейшего устройства. „Положение 19 февраля“ положило этому только начало. Оно занялось главным делом—уничтожением крепостного права и заменою его новыми отношениями, основанными на свободе; все же остальное оно предоставило дальнейшему движению законодательства, по указаниям жизни. Оно установило даже 9-летний срок для пересмотра многих узаконений. Но когда этот срок истек, законодательная деятельность уже остановилась. Все работники, приложившие руки к „Положению 19 февраля“, сошли со сцены. Место их заступила реакция, опирающаяся на бюрократическую рутину. В это время в петербургских высших сферах не оставалось уже ни одного человека способного начертать путный закон. Все было предоставлено на произвол судьбы, а то, что делалось, было ниже всякой критики. Русское правительство как-будто [истощилось в громадном усилии и затем погрязло в полном бездействии.

В конце августа я уехал в Москву с самыми отрадными впечатлениями, полный светлых надежд. Но, боже мой, что нашел я в столице! Между тем, как страна спокойно и обдуманно совершала свое великое дело; между тем, как и помещики и крестьяне с сознанием своего долга работали усердно и неутомимо,—русская интеллигенция предавалась тому неисто-

вому беснованию, которое так возмущало меня в Герцене, и которое легкомысленно поддерживали петербургские его поклонники и приятели. Университеты были в полнейшем брожении; в литературе и в обществе господствовал невообразимый умственный хаос. Из Петербурга приходили известия, что там издаются подпольные газеты, печатаются прокламации, вызывающие к истреблению всего высшего сословия в государстве. Зрелище было надрывающее сердце, но вместе и весьма поучительное.

Расстройство Московского университета началось давно. Еще в 1857 году случилась история, которая разом изменила дотоль мирное настроение студентов. Где-то в непотребном месте произошла драка между студентами и полицией. Студентов сильно поколотили. Полиция в этом деле вела себя нагло и неприлично. Как скоро весть об этом происшествии разнеслась между учащеюся молодежью, весь университет разом преобразился. Студенты вступились за своих товарищей, волнение было громадное; начались шумные сборища; обращались к начальству с просьбою о заступничестве. Это была искра, которая зажгла давно уже накопившиеся горючие материалы. Начальство, действительно, заступилось, и виновные полицейские были наказаны. Это внушило молодежи сознание своей силы. Начались походы против негодных профессоров, которых в печальную пору принижения университетов набралось не мало.

В это время между студентами был кружок так называемых консерваторов, к которому принадлежали мои младшие братья, и кружок социалистов; между теми и другими происходили иногда препирательства. Но инициативу движения приняли первые. На кафедру славянских наречий недавно был назначен совершенно бездарный Майков. Студенты словесного факультета решили, что надобно от него отделаться. На одной из его лекций первый встал, сделавшийся потом профессором истории, Герье и вышел вон; за ним последовала вся аудитория. Студенты объявили, что они к Майкову ходить больше не будут, потому что слушать его невозможно. Деканом был тогда Соловьев. Он уговорил их ходить и сам пошел на несколько лекций. Он убедился, что курс действительно был невозможный. Об этом было представлено начальству, и Майков лишился